

Пропавшее мое детство
Без любви, в холоде.
Некуда было деться.
Жили в одной комнате.
Спали, держась за сердце.
Слушали треск на проводе.
Черти тонули в омуте.

Будто в стеклянном шаре,
Снег летел переменчивый –
Домик наш. Разрешали
Выйти мне поздно вечером.
Тихо под облаками!
Туз выпивал там меченый:
Всех прогонял – нечего! –
Голыми всех руками!

Грустное мое детство!
Синяя старая лавочка.
Мир из сырого теста.
Даже ты, моя мамочка,
Будто ненастоящая,
И у плиты стоящая,
Спрятала что-то в ящике –
Что-то вроде булавочки –

Мы не увидели, что это.
Мы притворялись незрячими.

Пропавшее мое детство
Найдено было в озере.
Тот, кто ему отец был, –
Он нас побил козырем.
Нас с тобой, двух семерок.
И маму стер карандашную.
Он снова придет в семь сорок,
И снова ты все отдашь ему,
Ведь ты моя не бандитка –
Ты сестра моя младшая.
Ты ходишь в моих ботинках
И ни о чем не спрашиваешь.
Мне кажется, это дико.
В нашем лесу так дико.
Не зря унесла нас льдинка
В мир до конца пропавших.

«Я старик. А старику плохо спится», –
Говорит профессор. Рядом сидит девица.
Душа девицы никуда не годится,
Хотя пока еще она звенит.

Про них уже можно сказать заранее:
В конце один останется раненый,
Другой будет правым и с виду правильным.
Но пока девица достает «Зенит»

И говорит: «А давайте, папочка,
Сделаем с вами на память карточку».
И старик, подбирая тапочки,
Мнется и хохлится, как молодой.

С этого места осталась музыка,
Разлетевшись под крышку пузырька,
В щели стен, в душу деду и в мусорку
(карточку позже залили водой).

А старику до сих пор плохо спится.
Жизнь из его пузырьков клубится,
Но он не плачет по ней и не злится –
Он улыбается и что-то ждет.

И, видя его во сне, я думаю:
Будь умным – не будешь обижен дурой.
Будь добрым – и будешь спасен культурой.
А с прочим – не знаю. Как бог пошлет.

Она не выживет без него –
это было понятно сразу.
Когда она прижимала розы
к груди, когда, хороня его,
как рысь голодная, озиралась.

Когда ей в чашке казался сад,
но сад вишневый, а может, руки,
и вместо вишен глядят глаза?
Когда сказала, что к ней стучали,
когда петунии ведром накрыла.

Когда на улице, во дворе,
она смотрела так безучастно
на пса их, спящего в конуре,
и думала, что это есть рисунок,
споткнулся ветер, лег на бугре.

Она не выживет без него –
это было понятно раньше,
когда спускались они вдвоем
мимо цветов своих к магазинам,
когда ругались, и улыбались,
и мясо жарили, и когда
они и в 70 танцевали.

Они танцоры – настолько, что
родить сумели одних танцоров.
В их школу танцев меня ввели,
когда мне 6 только что пробило.
Мне было все равно, и тогда
я их увидела, и впервые:
«Она не выживет без него», –
подумала.

За эту женскую полусмерть,
за это высохшее «не выжить»
я зацепилась, пока я шла,
я рукавом задержалась, дернулась:
и я не выживу без тебя.
Когда мы даже не сговорились,
я знала точно, что будешь ты,
а заберут – и тогда не выжить.

Мне эта мысль отравляет жизнь.
Я никому ее не открою.

Не будем мы больше включать «Наутилус»
И ночью с соседкой спускаться к реке.
Прости нас, уборщик, что не получилось
Стать тем, кем болтали, забылось уж, кем.

Усталость, усталость, тупая усталость.
Кусалось и вот откусило кусок:
Прощай, моя радость! Что молодость – малость!
Я хмурюсь, как небо, на время в глазок.

Да просто не выйдет. Я девочка с чувством,
А что там за чувство – та сладкая боль.
Оно забродило, и больше не вкусно,
А больно и больно. Не буду, уволь!

Как раньше уборщика дядю из школы –
Меня – из живущих, а боль – из меня.
Ошиблась, король обязательно голый.
Так много читала, так мало поняв!

Я в мире иду с чемоданчиком злости
И парой слегка ошарашенных глаз.
Без ритма, с потерянным голосом, в гости
Никто не зовет – и спасибо как раз.

Я часто вижу страшный сон –
Кошмар из обозримой дали,
Где мы с тобой никем не стали.
Ни ты не стал,
Ни я не стала –

А вместе мы с тобой не стали –
С прекрасной силою двойной.

А если б только я одна?
Такого не было вопроса.
Все верное до боли просто.
Так надо было: на места
Мы встали, чтоб никем не стать.

Чтоб стать – никем.
Так все же – стали?

Там дальше – затирает свет
Темно-зеленый цвет детали.
Вот я лежу здесь – как влитая.
И ты лежишь здесь – как влитой.
И мы с тобой как под плитой.
У юности полет летальный:

Что началось с красивой тайны,
То обернулось пустотой.